

зана в связи с описанием убийства асессора: «Они окружили всех четверых господ, и коротко сказать, убили их до смерти на том же месте. Толико ценовидели они их, что ни один нехотел миповать, чтобы небыть участником в сем убийстве» (I, 274).

Напомним, что именно этот мотив встречается в описании смерти Цезаря у Плутарха: «Было условлено, что все заговорщики примут участие в убийстве и как бы вкусят жертвенной крови. Поэтому и Брут нанес Цезарю удар в пах<...> Цезарь, как сообщают, получил двадцать три раны. Многие заговорщики переранили друг друга, направляя столько ударов в одно тело».⁴

Цитата из Плутарха интересна во многих отношениях. Она не только объясняет идею многократности убийства тирана («Умри! умри же ты сто крат!») и приводит очевидную параллель к мысли о тираноубийстве как коллективном акте всех граждан — вспомним, что смерть Цезаря была для всей европейской культуры своеобразной моделью гибели тирана, — но и воскрешает древний мифологический образ причастия жертвенной кровью.

Отождествление тираноборческого акта с кровавым жертвоприношением включало эту политическую категорию в более широкий культурный контекст и подсказывало ряд прочно сложившихся вековых ассоциаций. Задавалась исходная возможность двоякой интерпретации: просветительская культура XVIII в. с ее отталкиванием от христианской морали и ориентацией на античную языческую традицию воспринимала идею жертвоприношения как *ритуальное заклятие тирана*. Романтическая традиция, отмеченная противоречивым сочетанием субъективизма и возрождения ориентации на христианское средневековье, истолковывала жертву как «кровавое причастие» — *ритуальное самозаклятие героя*:

Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?⁵

Причем в обоих случаях был ощутим момент ритуальности этого акта.

С этими представлениями связана, с одной стороны, процедура поименного и персонального голосования в Конвенте вотума казни Людовику XVI. Перед лицом Франции депутаты Конвента совершали публичный обряд личной причастности к смерти короля.

С другой стороны, именно этой связью понятий объясняется отождествление в кишиневской поэзии Пушкина тираноубийства и причастия, кровавой эвхаристии («как бы вкусят жертвенной крови», по словам Плутарха).

⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т. II. М., 1963, с. 490.

⁵ Рылеев К. Ф. Поэтич. собр. стихотворений. Л., 1971, с. 233—234.